Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

**«Повести чудесных событий»
из Урало-Сибирского патерика XX в.**

Литературное творчество урало-сибирских крестьянских писателей старообрядцев XVIII—XX вв. обратило на себя внимание участников археографических экспедиций Сибирского Отделения АН уже во второй половине 1960-х гг. Постепенно увеличивался массив выявленных памятников, представляющих несколько традиционных жанров этой литературы, становились известными имена все новых авторов, мы получали тексты сочинений, которые ранее знали лишь по названию, появлялись новые списки и редакции произведений. С 1972 г. к новосибирским археографам в этих поисках присоединились и екатеринбургские: сам предмет изучения объединяет Урал и Сибирь (с Дальним Востоком) — скитские центры этой народной литературы, многие авторы и читатели были охвачены трехвековым миграционным процессом. В этом непрерывном движении подальше от антихристовых властей не прерывалась преемственная нить, связывавшая учителя и ученика; привычные схемы средневековой книжности каждый раз наполнялись современными авторам новыми реалиями и новыми проблемами.¹ А в скитских библиотеках к услугам этих авторов, более всего озабоченных выявлением связи современности с прошлым, были рукописи, дониконовские издания и их старообрядческие перепечатки.

Нам уже приходилось перечислять основные книжные источники творчества сибирских крестьян-староверов XVIII в.² Это книги Священного Писания и священного предания, византийских и русских отцов церкви, украинских и белорусских антиуниатских полемистов конца XVI—начала XVII в. Это творения знаменитых старообрядческих писателей XVII в. и сочинения выговской школы XVIII в. В скитах и заводских общинах востока России на базе этой традиции уже в XVIII и XIX вв. стали создаваться оригинальные сочинения — исторические, агиографические, догматико-полемические, эпистолярные. В XIX и XX вв. книжные источники местного творчества расширятся за счет произведений самых разных «внешних» писателей — от авторов гимназических учебников и краеведческих трудов до советской прессы; понятно, что все подобные «внешние» тексты будут интересоваться старообрядческих авторов как резервуар фактов, а не оценок и идей.

Но с самого своего возникновения урало-сибирская старообрядческая литература наряду с книжными источниками имела и важнейшие устные.

¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

² Покровский Н. Н. Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 155–190.

Это рассказы окрестных жителей, местные исторические предания и легенды, духовные стихи и волшебные сказки, которые, наряду с воспоминаниями о различных событиях самих авторов, отражаются в сочинениях старообрядческих писателей, влияют на них.

Недавно архивные разыскания позволили проследить один из механизмов такого влияния. Это влияние проявилось в псевдодокументальном источнике специфического типа, давно уже, впрочем, имеющем прямое отношение к судьбам российской словесности. Речь идет о судебно-следственных материалах политической полиции, в данном случае — о делопроизводстве красноярских чекистов 1951 г., готовивших судебный процесс над обитателями того главного скита урало-сибирских часовенных, который тогда был основным центром старообрядческой книжности и литературы. Определяя состав преступления, следователи дотошно выясняли тогда, каким именно путем в скитах создавался обширный антисоветский труд, который со слов его создателей называется в материалах следствия «Уральским патериком» (мы писали о нем ранее, используя название «Урало-Сибирский патерик»).³ Оказалось, что авторитетный глава нижегородских скитов о. Симеон предпринял в этой связи особую целенаправленную акцию, описанную в показаниях многих лиц и, главное, подтвержденную самим текстом патерика, который удалось тогда скрыть от карателей, закопав рукопись в сарае скита. О. Симеон предложил пустынножителям енисейских скитов и связанным с ними крестьянам собирать и передавать ему все доступные письменные свидетельства (на бумаге и на бересте), записывать или рассказывать ему воспоминания, связанные с историей старообрядчества, пустынножительства на Урале и в Сибири, с различными чудесными событиями. Все это собиралось в дубческом скиту о. Симеона и включалось после более или менее существенного редактирования в единую схему патерика. Труд этот в нынешнем виде имеет следующие самоназвания: 1) «История о отцах и пустынножителях, в последнее гонительное время подвизавшихся в северных краях Руския земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни»; 2) «Повести чудесных событий». В трех томах этого патерика содержатся сейчас 212 глав, из которых 8 были дописаны к первому тому в 1991 г. Первый том посвящен истории согласия часовенных в XVIII и XIX вв., а также биографиям, пустынножительным подвигам старцев согласия вплоть до наших дней, второй том содержит рассказы о старцах, а третий — несколько циклов рассказов о чудесах, преимущественно с урало-сибирскими реалиями.⁴ Исторические повести и другие сочинения часовенных более всего использовались в первых главах первого тома, в дальнейшем изложении преобладают собранные о. Симеоном письменные и устные свидетельства таких же, как он, крестьян, связавших свою судьбу со скитами.⁵

Ниже публикуются рассказы из первого и третьего томов патерика на популярный в древнерусской литературе и фольклоре сюжет о чудесно исчезнувших святых местах, о звучащем в лесу колокольном звоне давно разрушенного скита. В тексте о чудесном острове, где сохранилась истинная вера, есть и отзвуки легенды о Беловодье, распространенной в той же среде. Сразу после этого текста составители патерика приводят (в качестве 28-й главы третьего тома) текст из Пролога на 21 марта об исчезающем и чудесно появляющемся монастыре.

³ Покровский Н. Н. 1) За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир 1991 № 9 (77—92) 2) Скитские биографии // Там же 1992 № 8 С 194—210

⁴ Покровский Н. Н. Старообрядческий агиографический цикл XX века // Skupiska staroobrodcow w Europie, Azji i Ameryce Warszawa, 1994 S 33—41

⁵ Об о. Симеоне см. Зольникова Н. Д. Историко-эсхатологическое сочинение XX в. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России Новосибирск 1992 С 160—190

В патерике каждый раз тщательно отмечается источник соответствующего рассказа или автор повествования. Обычно это пустынножители или их знакомые из числа окрестных селян. Многим из них в свою очередь посвящены отдельные главы патерика. Некоторые были захвачены властями во время разгрома скитов в 1951 г. и проходили по следствию. Таков, например, автор первого рассказа о Максиме, в миру Маркиан Алексеевич Русинов, из крестьян Сарапульского у. Вятской губ. (его отец и мать в 1927 г. ушли в скиты от коллективизации). Автор многих рассказов патерика м. Македония происходила из томских крестьян. Яркий самобытный писатель Афанасий Герасимович Мурачев — из алтайских крестьян; он был в 1951 г. захвачен в скиту, но с дороги сумел осуществить смелый побег.⁶

Публикуемые ниже главы Урало-Сибирского патерика написаны современным старообрядческим полууставом, рукой А. Г. Мурачева. Они находятся на л. 72 об.—77 третьего тома и на л. 62—63 первого тома.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О СОКРОВЕННЫХ СВЯТЫХ СТАРЦЕХ

л. 72 об.

Поведа нам отец Максим, глаголя:

Во отечествии, рече, моем, близ наша деревни Маракуши Пермской области живяше в келии отец Галактион. И еще юну ми сушу, хождах к нему молитвы ради. И бысть един от дний, пришедшу ми к нему по обычаю, приидоша же ту и две некия жены пользы ради из деревни // Филиппы, отстоящей от нас верст 8. И по утренней молитве сии повествовали нам:

В нашей, рекоста, веси некая жена единою изыде в бор собирать грибы или ягоды, и улучи на некоего незнаема старца. И удивившись, нача приближаться к нему, хотящи уведати его, кто есть и откуда. Он же, видев ю приближающуюся, удаляшеся от нея. Сия же, последующи ему, не оставляше его. И доидоста некия сокровенныя ветхия и заросшия мохом келии, и вниде в ню старец. И жена по нем вниде и виде ту другога^а старца. И сия жена име у себе мало хлеба, и даяше старцем. Они же не прияша хлеб: «Пустынным, — рекоша, — питаемся растением, сущим в бору, и ягодами, и грибами, хлеба же и овочия не имамы». Она же, слышавши, удивляшеся о сем. И отиде от них, поведа о них людем. И уготовльше потребная, паки пойде ко оным пустынником, едина или со иными — неведомо. И много ищущи, не обрете их.

Отсюду яве есть, яко от Бога покрываемы бяху, зане ни прежде сего, ниже последи никто же их виде, и ни та самая жена, бывшая у // них, обрести возможе их. Быша же сия во время германския войны, наченшияся в лето 7422 (1914).

Подобно сему о сокровенных старцах повествовася выше, в сказании о матери Вере — часть 1, глава 23.

О МОРЕПЛАВАТЕЛЯХ, С РУКОПИСИ МАТЕРИ МАКЕДОНИИ

Сие бе, егда аз бых дитя. Человек поведал следующее:

Плыли москвичи по морю в корабли. Люди в нем были разноверы, точию два христианина. Корабль потянуло в пучину, все набоялись и молились, кто как умел — а пользы нет. Тогда разноверы велели помолиться

⁶ См о нем Зольникова Н. Д. Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии, Америки Новосибирск, 1992 С. 283—288

^а Испр., в ркп. дрогаго

двум христианом. Они помолились — и Господь услышал, корабль вышел на свет. Они поплыли и доплыли к земле. Берег крутой, невсходной. Но все-таки усилились, высадили двух человек на землю. Они шли и дошли до населения, яко бы мал градок. А люди тут до одинаго вси християне. Видят: иноки ходят в мантиях. И корабленники им говорят: мы-де москвичи, заблудились и более 40 дней плывем, ис[т]ь нечо — и плыть не знаем куда. Где Москва? Жители надавали хлеба им и прочаго и путь сказали. Они, недолго плыв, доехали домой. Да собрались с дарами // плыть к этому населению и много пытались тогда и после, не могли то население обрести.

Дозде повесть.

ЗАМЕЧАНИЕ МАТЕРИ МАКЕДОНИИ

Мы помышляем, Бог закрыл этих людей. Пишет в Гранографе, лист 557: Христофор мореплаватель в лето 6999 плыл по островам и морем, и 47 островов миновал, зане к ним невсходно.

Дозде Гранограф. Без сомнения, благодать Божия кроет боящихся его. До скончания века иноческий чин, быть ему предписано, как искра в пепле, и сему указы мнози в книгах.

ПИШЕТ В ПРОЛОГЕ, 21 МАРТА О СОКРОВЕННОМ МОНАСТЫРИ < > //

Тут нам надежда стоит упования ко спасению. Отцы соловецкие 30 лет жили во острове, человека не видя, а ловцы // по вся седмицы приезжали (Челобитная о отцех и страдальцех, глава 1). *Дозде мать Македония.*

О СЛЫШАНИИ ПЕНИЯ И ЗВОНА ЦЕРКОВНАГО С РУКОПИСИ АФАНАСИЯ

В пределах села Тасеева в Красноярском крае, от села Тасеева на восток по жиловатой дороге верст 12 в 7466-м году Анна Константиновна работала, живицу собирала со своей дочерью 13-летней, с июня месяца и до осени. И в начале своей работы каждую субботу в полудни слышался им обоим церковный колокольный звон и как будто где-то вдали звучащий, от которого гул раздавался по лесной тишине, глубоко⁶ и тревожно печателелся в уме, от которого легко можно было взяться мыслию и поточить слезы человеку, скитающемуся в лесу. И вот сперва они обои слышали, но одна другой виду не подавали. А потом по долгом времени говорит Анна своей дочери: «Павла, мне кажется, что как будто церковный звон наносит, а ты слышишь, или нет, что?». Она ответила: «Слышу». И опять спросила: «Как тебе // кажется, то ли звон церковный, или гудок заводской?». Ответила дочь: «Нет, мама, не гудок, это как у нас в Киге в Хантахезе колокол звенел, и здесь так же».

И так время длилось месяца два и больше. И долго Анна боролась с мыслию, спрашивать или нет местных жителей о том, что слышат или нет они чего — но боялась осмеяния от них. И потом насмелилась, спросила одну жену именем Раю, много лет на этом месте работавшую, и говорит: «Рая, я давно уже хочу Вас спросить, мне что-то кажется, как будто церковный звон наносит, то ли здесь церковь где-то есть, или что такое?».

Она ответила: «Да, действительно, раньше этих случаев было часто, но теперь стало редко. Здесь недалеко есть светлый ключ и на нем жили люди, Богу молились. У них была часовня и еще другая хоромина, и у них был скот, пашни и покосы. А потом этих людей всех побили, а часовню со

⁶ Вписано тем же почерком над строкою

всеми людьми сожгли. И вот с тех пор на том месте стали получаться разные удивления: то звон церковный, то пение слышится, а то свечи горят. И многие другое многое // повествуют. А некоторые сильно боялись этого места, тем более в вечернее и ночное время. Некоторые из ружей стреляли в это место. Бывало прийдешь на то место, жутко кажется, слышишь пение вот тут, а не видно ничего, поют аллилуия и прочия молитвы». Дозде Раина повесть.

И говорит Анна Константиновна: «Как я объяснилась Рае, с тех пор больше ни разу не слыхивали звону. И даже пожалела, что лишилась слышания. А это место было от нас верст 7 по той же дороге вдаль, а всего от Тасеева 21 верста». И на том месте сейчас заметно завалины, что было жительство сгоревшее. А сама Анна на том месте не была. Только неведомо, от кого эти люди пострадали и когда.

л 61 об

О МАТЕРЕ ВЕРЕ

л 62 <...> О сей матери Вере поведана нам брат Александр Григорьевич, слышах, рече, от моего тестя Филиппа, иже поведана нам сице: мой, рече, дед Иоан по фамилии Гридин, бе богат и милостив, многую милостыню давая уральским пустынножителям. Сей не име единовверных соседей, умысли вопрошить мать Веру, благоволит или нет занимать ему должность наставника над домом своим, понеже не быше наставника у него. Поиде к ней и прииде в келию ея, идеже стояху две чудотворныя иконы: Господня и богородичная, точащая миро из очей своих. // И прежде вопрошения Иоаннова рече к нему мать Вера: пожди до утра и тогда отвечаю ти о потребе твоей, ныне же реку ти чудную повесть: прежде мала времени, прииде ми помысли итти во внутреннюю пустыню, да обрящу тамо некоего пустытника, и бех на мнозе боряся с помыслом, помышляюще, еда како от врага есть, последи же повинувшись изыдох в пустыню; идушей ми по пустыни, и се узрех пень велик, и верху его изхождаше мало дыма, пред ним же трава бе попрапа, под корнем бе западна, и разумех, яко некто пребывает ту. Сотворих молитву и слышах глас отвечающий: аминь. Сидох в пещеру, оконца же в ней не бе, но некий чудный бысть пред иконами свет, аки клуб огненный, и той просвещаше во дни и в нощи, и видех ту два святолепна старца седяща и по обычном приветствии, вопросих: «Кто есте вы и како приидосте семо», — и отвещаста ми: «Мы свящаннаго чина есмы, бежавшии от кониян. Ныне же погибе священство от рода сего». И по до//вольней с ними беседе отпустиша мя восвоя. И по некоем времени паки поидох к ним, и бывши у пещеры их, сотворих по обычаю молитву, и не бе ответа. Сидох внутрь и видех оных старцев преставльщихся, чудный же оный свет светильник нача помалу оскудевать, дондеже вконец угасе, и бысть тма. И изыдох со скорбию оттуду, плача о разлучении святых старец, текох в монастырь назнаменная путь, и поведанах игумену вся бывшая. И поят братию и идохом на предреченное место, яко да преставльшимся сотворим погребение, и много трудихомся ищуще пещеру ону, и не обретох, возвратихомся бездельни. И о сих дозде. И яко сконча сию повесть мать Вера, отпусти Иоанна. Заутра же паки по повелению ея прииде к ней и благослови его настоятельствовать точию в дому своем и отпусти его восвояси, и отиде радуяся и славя Бога, яко таковая видети и слышати сподобися.

л 62 об

л 63